

**ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ЕВРОПЕЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ****PROBLEMS OF SELF-IDENTIFICATION
IN EUROPEAN CONTEMPORARY SOCIETY**

В статье рассматриваются вопросы эволюции проблемы самоидентификации в европейских странах в период после 1991 года и до настоящего времени. Автор исходит из того, что определяющим для общественной самоидентификации является система разделяемых обществом ценностей и установок. Высказывается мнение, что господствовавшая на Западе в годы холодной войны идеологическая система общечеловеческих ценностей потерпела крах в первые же годы без СССР. В настоящее время, по мнению автора, в Европе присутствуют две основные идеологические тенденции, которые в будущем будут определять самоидентификацию европейцев: националистическая и панъевропейская.

Ключевые слова: общественные ценности, наднациональная идеология, цивилизационный конфликт, националистические тенденции, Европейский проект.

The subject matter of this article is constituted by issues of evolution of the self-identification problem in European countries in a period from 1991 till the present time. The author operates on the assumption that the system of values and attitudes shared by the society is decisive for the social self-identification. It is conjectured that the ideological system of "universal value" prevailed in the Western world during the Cold War has collapsed in the first post-USSR years. It is the author's opinion that there are two main tendencies at present in Europe which will determine in the future the self-identification of the Europeans which are as follows: the nationalistic tendency and the Pan-European one.

Keywords: social values, supranational ideology, civilization conflict, nationalistic tendencies, European project.

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть актуальные вопросы самоидентификации в современном европейском обществе, точнее – проблемы самоидентификации самого этого общества. Объектом исследования является индустриальный/постиндустриальный социум в странах Европы, прежде всего – относящихся к Европейскому союзу. При этом, разумеется, нельзя избежать упоминания об общественных процессах и в России, США, а также в традиционных обществах – как оказывающих непосредственное влияние на социальную динамику в европейских странах (справедливо говорить и об обратном влиянии – вопрос, в сущности, только в его масштабах).

Хронологически объектом статьи является период, начинающийся с распада СССР и краха биполярной системы международных политических отношений.

¹ Старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода НОУ ВПО «Российский новый университет».

Как представляется, определяющим для общественной самоидентификации является система разделяемых обществом (на деле – его большинством) социальных ценностей и установок. Именно разделяемые большинством социума личные ценностные установки придают приоритетность тому или иному определению, которым оперирует член общества – личность в поисках ответа на вопрос: «Кто я?»

Стоит сразу же сказать, что указанные общественные ценности имеют собственную динамику, формирующуюся как результат развития общественного сознания под влиянием, прежде всего, социально-экономических условий жизни общества и данного конкретного индивидуума. Эта динамика и определяет эволюцию самоидентификации в том или ином обществе или совокупности обществ.

При этом мы исходим из того, что система общественных ценностей эволюционирует неравномерно – в ней можно выделить условно

стабильную (также изменяющуюся, но очень медленно) и условно более подвижную части.

К первой, как представляется, стоит отнести национальные традиции, религиозные верования и вытекающие из них модели поведения; ко второй – систему взглядов (например, на конкретные социально-политические вопросы), формируемую во многом под влиянием внешних факторов, в том числе – и государственной политики.

Например: несмотря на достаточно активную линию государственной власти, направленную на акцентирование общероссийских ценностей, единства «многонационального народа Российской Федерации» (вплоть до ликвидации графы «национальность» в паспорте и активную официальную риторику на сей счет), мало кто из наших соотечественников (кроме, разве что, сугубо официальных ситуаций) будет использовать применительно к себе определение «россиянин» – как правило, упоминается принадлежность к тому или иному этносу.

Беремся утверждать, что в настоящее время применительно к странам Европы мы являемся свидетелями достаточно активного (по крайней мере, значительно более активного, чем в прошлые годы) процесса эволюции ценностных установок, затрагивающих, в том числе, и базисную, условно стабильную часть. Причем в отношении общественных ценностей действуют разнонаправленные факторы (о которых будет сказано ниже), так что в среднесрочной перспективе можно ожидать развития в европейских странах подобия кризиса самоидентификации (признаки которого уже есть – об этом также ниже).

Можно утверждать, что импульсом, «триггером» для наблюдаемых сейчас процессов ускоренной эволюции общественных взглядов (в том числе и приоритетов самоидентификации) стал крах мировой социалистической системы и распад СССР.

Коротко говоря, нараставший еще с рубежа 70–80-х годов XX столетия кризис все более неэффективной социалистической системы хозяйствования с момента падения мировых цен на нефть 1985 года перешел в открытую фазу. Столкнувшись с острой нехваткой ресурсов и угрозой социального кризиса, тогдашнее советское руководство вместо необходимых экономических реформ предприняло попытку решить проблему нараставшего общественного недовольства через ослабление административного прессинга. Это привело к противоположным результатам – на поверхность вылезли проблемы, которые Советский Союз (в том числе и репрессивными мето-

дами) «заморозил», но решить так и не смог – прежде всего, национальная. Неадекватность принимавшихся советским государственным руководством решений возникшим вызовам (проще говоря – паралич воли) привела к усугублению системного кризиса, подрыву базовых ценностных установок советского строя (по правде говоря – уже значительно девальвированных в последние советские десятилетия) и, закономерно, краху всей системы.

Как это повлияло на самоидентификацию постсоветских обществ и обществ стран Европы?

Думается, система общественных ценностей в эпоху биполярного мироустройства также была, по большому счету, биполярной. На одном полюсе был СССР и его союзники с наднациональной, по сути, коммунистической идеологией; на другом – так называемый свободный мир с проповедью столь же наднациональных общечеловеческих ценностей.

В основе последней идеологической концепции лежал тезис о том, что расовая, национальная, религиозная, половая или иная принадлежность не имеет значения. Важны лишь фундаментальные ценности – свобода (понимаемая, преимущественно, как право на самовыражение и на собственность, но отнюдь не свобода от социального угнетения), демократия (т.е. свободные выборы – свободные от манипуляций и административного ресурса) и справедливость (реализуемая через независимый суд).

Эта ценностная система имеет глубокие исторические корни, уходящие к французским просветителям, крупнейшему завоеванию Великой французской революции – Декларации прав человека и гражданина и Биллю о правах, столь удачно дополнившему Конституцию США. Наиболее концентрированным выражением этой системы ценностей является закрепленная на гербе Франции триада “Liberté – Égalité – Fraternité” («Свобода – Равенство – Братство»). В 1990-х гг., когда пала Берлинская стена, а Советский Союз распался на 15 маленьких государств, часть которых (преимущественно находящихся в непосредственной близости к Западной Европе) пожелала присоединиться к Европейскому союзу, появился и добавился к триаде новый лозунг – “Diversité” («Разнообразие»).

Крах коммунистической системы, казалось бы, должен был привести к триумфальному шествию по миру свободы и демократии. Собственно, первые годы после крушения СССР (примерно 1992–1994) можно назвать пиком идеологии мультикультурности и глобализации. Этому спо-

собствовал не только крупнейший геополитический успех Запада, опиравшегося в противостоянии с СССР именно на проповедь свободы, но и значительный прогресс, достигнутый в тот период в европейской экономической интеграции.

Тогда весьма активно, в том числе и в России, шли разговоры о том, что никаких «особых национальных путей развития» нет и не может быть; есть лишь один магистральный путь развития, олицетворяемый Западом, а все попытки свернуть с него – бессмысленны и обречены на неудачу.

Впрочем, вся эта красивая и благородная на вид конструкция имела один, но весьма существенный, изъян – вопрос о том, что является критерием истины. Ответ на этот вопрос у Запада был один: что нравится Западу, то и является правильным, справедливым и благородным.

Кроме того, оказалось, что многообразие принимается на Западе применительно к личностям – но не обществам. Да, в Лондоне всем, в общем, все равно, какая шляпа на представителе своей или другой страны; но это не означает, что на Даунинг-стрит, 10, готовы всерьез рассматривать предложения представителей этой самой другой страны относительно модификации британской политической системы. Зато аналогичные рекомендации западных деятелей настоятельно предлагается выслушивать молча, «брать на карандаш» и незамедлительно приступать к их имплементации.

По сути, мировому сообществу предлагалось просто усвоить и внедрить у себя набор пресловутых «западных ценностей» – столь же механически, как в начале 2000-х страны Восточной Европы внедряли у себя *Aquis Communautaire* Европейского союза. При этом степень успешности внедрения (и, соответственно, вопрос о допуске того или иного государства в «семью» демократий) решался бы странами Запада, уверенными в презумпции собственной непогрешимости.

Забегая вперед, скажем, что одновременное вступление в ЕС 11 стран Восточной Европы в 2004 году стало последним, практически «посмертным» (и, видимо, во многом искусственным) всплеском эйфорических настроений начала 1990-х годов. Симптоматичной стала карикатура, опубликованная в журнале «Тайм»: европейцы совместно стирают с указателя «Восточная Европа» слово «Восточная».

Однако как советское руководство не смогло взять слишком высокую для очень разного по своим базисным ценностным установкам планку создания «человека нового типа» и «новой общ-

ности – единого советского народа», так и западные общества оказались не в состоянии практически воплотить то, о чем десятилетиями говорили как об уже свершившемся.

Прежде всего, оказалось, что общечеловеческие ценности не принимает значительная часть человечества – так называемый третий мир, т.е. традиционные общества Азии, Африки и Латинской Америки.

Один из наиболее ярких примеров в этой связи – случившееся в Сомали в начале 1990-х. Когда в 1991 году в этой стране пал диктаторский режим (на Западе не любят вспоминать, что вначале он был просоветским, а потом, в силу смены политической конъюнктуры, резко стал прозападным), сомалийцы никакую демократию строить не стали. Вместо этого начался стремительный распад не только государства, но и всей общественной структуры «относительно приемлемого» для Запада типа. На ее месте с пугающей быстротой возникли, или, точнее, возродились, прежние архаичные порядки, когда самое фундаментальное право человека – право на жизнь – определяется его лояльностью к своему родоплеменному клану, или просто банде, сколоченной самыми беспринципными и отчаянными головорезами. Более того – всей мощи западной военной машины и воли ее руководителей, гордившихся своей негибкостью в смертельно опасном для судеб самой жизни на земле ядерном противостоянии с СССР, не хватило на то, чтобы обуздать этих бандитов. И не потому, что у американских морпехов кончились патроны: самым неожиданным для западного общества образом население Сомали стало на сторону несвободы против свободы, защищая тех самых бандитов – но «своих» – от благодетелей, но иностранных.

И если резню в бывшей Югославии и на постсоветском пространстве (в последнем случае, скажем прямо, она мало кого интересовала) западное общественное мнение объясняло себе тяжелым наследием коммунистических режимов или даже происками бывших агентов коммунистических спецслужб, то произошедшее в Сомали ни в какие шаблоны не укладывалось.

Причем Сомали не стало досадным исключением: практически везде, где новая реальность встречалась с традиционными обществами – от Заира до Таджикистана – результатом был, как правило, кровавый конфликт, в итоге которого зачастую восстанавливался статус-кво. Часто несправедливый и недемократичный (например, власть суннитского меньшинства в Ираке, меньшинства тутси в Руанде или «северного клана» в

Таджикистане), этот порядок оказывался вполне комфортным для большинства населения и, парадоксальным образом, обеспечивал традиционным обществам хотя бы налет цивилизованности (в западническом понимании) и постепенное приближение к тем самым западным демократическим ценностям.

Еще одним вызовом для западной системы ценностей стало невозможное в период биполярного мира стремительное усиление сообществ, ориентированных на традиционные ценности: мусульманской уммы (точнее говоря, так называемого политического ислама – попытки переустроить мир под фундаменталистское понимание установок, заложенных в Коране; кстати говоря, проект является наднациональным) и активно развивающегося Китая.

Стоит заметить, что оба этих рывка Запад не просто проспал: ослепленные своим военно-политическим противостоянием с СССР, западные страны сами способствовали возвышению «зеленого» и «желтого» факторов как дополнительных элементов сдерживания «красной угрозы» – причем без оглядки на собственные ценности.

Оказалось, что общечеловеческие ценности не разделяются большей частью мира!

При этом крах идеологии общечеловеческих ценностей не стоит, как представляется, относить только на счет «дикарей» из третьего и второго мира. Сам Запад также не выдержал практического применения собственных ценностей. Например, мониторинг выборов, внедренный ОБСЕ ради контроля за исполнением «домашнего задания» по демократии посткоммунистическими странами, при первой же обкатке в США показал, что американская избирательная система не просто архаична – она не обеспечивает выборам характер ни прямых (избрание президента идет через коллегию выборщиков), ни равных (избирательного права лишено все население округа Колумбия), ни тайных (в ряде штатов разрешено голосование по факсу). Репутацию США в электоральной области серьезно подорвала также кампания по выборам президента 2000 года: хотя А. Гор получил больше голосов избирателей, президентом – в силу указанных «особенностей политической системы» – стал Дж. Буш-младший.

Чуть раньше опозорилась Европа: в результате вполне демократичных выборов 1999 года в Австрии в правительственную коалицию попала ультраправая Партия свободы, и альпийская республика была подвергнута жесточайшей обструкции в ЕС.

Кроме того, концепция общечеловеческих ценностей требовала в высшей степени моральной внешней политики; вместо этого мир увидел, со стороны западных стран, совсем иные проявления: двойные стандарты (например, отношение к режимам в Сирии и Саудовской Аравии), циничный и эгоистичный геополитический расчет (усилия по развалу Югославии), корыстное прибирание к рукам ресурсов (Ирак), лицемерие, трусость и манипулирование словами о свободе и демократии в собственных интересах.

В результате, уже к середине 90-х годов XX столетия эйфория по поводу общечеловеческих ценностей сошла на нет.

Соответственно, крах наднациональной коммунистической идеологии и последующий крах идеологической системы общечеловеческих ценностей неизбежно привели к возникновению идеологического вакуума, который был стремительно заполнен национализмом.

Не зря уже в середине 1990-х годов мы наблюдаем значительное усиление по всей Европе традиционалистских течений: правоконсервативных сил в Западной Европе и левоцентристских – в Восточной.

Однако определяющим для усиления националистических тенденций в самосознании европейцев стала, безусловно, проблема цивилизационного конфликта в странах Европы.

Здесь сошлось несколько факторов.

Во-первых, инородная (преимущественно мусульманская) диаспора в странах Западной Европы к концу 1990-х гг. доросла до некоего уровня «критической массы», когда вчерашняя толпа безропотных гастарбайтеров превращается в крупное и сплоченное сообщество, агрессивно отстаивающее собственные интересы.

Во-вторых, успехи ЕС в экономической и социальной областях стали притягивать все новых мигрантов.

В-третьих, сыграл свою роль демографический фактор: семьи мигрантов или их потомков, как правило, существенно многочисленнее, чем у староевропейцев.

И дело не только в численности (хотя, например, 10%-я доля арабо-мусульманской общины в населении Франции – уже повод задуматься). Сейчас в активный возраст вступают уже внуки тех, кто в 1950-е годы ехал в Европу за лучшей жизнью – тогда все верили, что это временно. При этом явные просчеты европейцев в миграционной политике в прошлом (крайне либеральные условия для переезда на ПМЖ для мигрантов и их семей, неконтролируемая иммиграция, компактное расселение гастарбайтеров –

«ведь свободу передвижения нельзя ограничивать») привели к тому, что мигранты не испытывают нужды в интеграции в местное общество. Им проще и комфортнее создавать собственные замкнутые общины и кварталы – фактически кусочки Турции внутри Германии; Мексики и Китая – в городах США; Суринама – в Голландии и т.п.

Крайне важно и то, что выращенный и вооруженный Западом против СССР мусульманский фундаментализм и его вооруженный отряд – «зеленый» терроризм – с крахом СССР потеряли главное условие своего существования – врага. Поиски нового не заняли много времени – им стал неоправданно богатый, циничный, высокомерный и поддерживающий Израиль против мусульман-палестинцев Запад.

События 11 сентября 2001 года не просто заставили многих европейцев другими глазами взглянуть на проблему исламского экстремизма; последствия этих событий (в первую очередь, миссия НАТО в Афганистане) привели к дальнейшему отчуждению сторон, выходу на поверхность прежде подспудных трещин в европейской самосознании.

Как, например, примирить общечеловеческие ценности с тем, что трое из четырех террористов-смертников, взорвавших лондонское метро в июле 2005 года, родились и выросли в Великобритании – однако вместо «свободы, равенства, братства и многообразия» идентифицировали себя с Пакистаном и наиболее агрессивным толкованием коранических сур?

Реакцией европейского общества на эти вызовы стала не только развернувшаяся в ЕС в середине 2000-х полемика относительно упоминания христианских ценностей в качестве одной из основ Евросоюза; не только обсуждение французским обществом вопроса о том, «что есть француз» (самый яркий пример актуальности проблемы самоидентификации), но и официальное признание Германией в конце 2011 года факта провала мультикультурного проекта.

Проблема только в том, что никакого иного проекта у Европы пока нет. И это повышает риски: ясно, что психопатическая выходка А. Брейвика – это лишь «первая ласточка».

Противоположную националистической тенденции в Европе в настоящее время олицетворяет Европейский союз. Период после распада СССР стал для этого интеграционного объединения едва ли не «золотым веком»: с 12 стран в

1985 году ЕС вырос до 27; отменены таможи; созданы действительно трансевропейские концерны (например, «Эрбас»).

Для целей настоящей работы важнее, однако, что Европейскому союзу действительно удалось снять большинство препятствий для свободного перемещения людей внутри ЕС. Для европейца уже является нормой уметь объясняться на 3-4 языках; жить в Швеции и ездить на работу в Данию; учиться в одном из университетов Европы в космополитичной компании представителей разных стран.

Время работает на европейский проект: подрастает поколение, для которого границы национальных государств начинают приобретать все более размытый характер. Эти люди уже в первую очередь европейцы, а уже потом – граждане Германии или Франции (притом, что они могут иметь отнюдь не германское и не французское происхождение). Европейская самоидентификация экономически оправдана: повышает мобильность населения, способствует ускоренной реализации совместных проектов. То есть, снимает барьеры на самом важном участке – в головах.

Какая же из двух тенденций победит – националистическая или космополитическая? Первая ориентирована на выживание, вторая – на развитие. И, как представляется, выбор пути будет зависеть от того, какая из проблем станет для европейцев важнейшей в ближайшее время.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М. : Международные отношения, 1998.
2. Kristeva J. Diversité c'est ma devise, dans Diversité et culture. – P., La Documentation française, 2007.
3. Межуев В.М. История, цивилизация, культура : опыт философского истолкования. – СПб. : СПбГУП, 2011.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М. : Издательство АСТ, 2003.

Интернет-ресурсы

1. «Известия» – материалы разных лет. – <http://www.izvestia.ru>
2. Панарин А.С. Россия в социокультурном пространстве Евразии. – <http://www.filgrad.ru/texts/panarin/panarin33.htm>
3. Александр Панарин о евразийской интеграции в программе Виталия Третьякова «Что делать?». – <http://www.dypt.ru/?page=analytics009>